Эль Дар

Выпускница академии Вудстоун

или я больше не ваша студентка

Эль Дар

Выпускница академии Вудстоун или я больше не ваша студентка

«Автор»
2026

Дар Э.

Выпускница академии Вудстоун или я больше не ваша студентка / Э. Дар — «Автор», 2026

Год назад я выпустилась из элитной магической академии Вудстоун. И вот по вековой традиции мне пришло приглашение на бал выпускников. Пропускать его — дурная примета, но я иду туда не ради танцев. Я иду, чтобы высказать всё, что думаю, тому самому преподавателю, из-за которого лишилась золотого диплома. Он запорол мне итоговую оценку, и за год моя ярость только усилилась.Однако судьба распорядилась так, что теперь мне придется работать под его началом! Но как мне это делать, если я от души ненавижу этого бездушного мужлана? Или это все же не ненависть!?Однотомник. ХЭ

© Дар Э., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Эль Дар
Выпускница академии Вудстоун или я больше не ваша студентка

Глава 1

Неужели прошел целый год?

Я задумчиво смотрела на приглашение из магической академии Вудстоун, академии, которую я закончила бы с отличием, чего не случалось долгие десятилетия, если бы не Эштон Хоук. Мое лицо до сих пор неприятно морщилось от воспоминаний об этом человеке, словно я пробовала на вкус дольку лимона. Плотная бумага с тиснёным гербом лежала в руке, и от неё веяло тем самым запахом знаний, которые мне всегда нравились.

Я любила учться, но практически два года Хоук играл на моих нервах, вынуждая срываться, плакать, а потом, скрепя сердце, брать себя в руки и идти на его занятия снова и снова. Я, практически лучшая по успеваемости во всем потоке, никак не могла выполнить установленные им нормативы по боевой магии, являвшейся неотъемлемой частью программы. Сколько раз я стояла посреди тренировочного зала, и слышала за спиной его ровный, безжалостно спокойный голос: «Ещё раз. И не позорьте академию!».

Все дисциплины давались мне относительно легко, кроме одной, и почему-то именно по ней преподаватель оказался самым принципиальным, жестоким, бессердечным хамом. Я слишком много раз мысленно пыталась придумать куда мне спрятать его труп, потому как убивала его в мечтах слишком часто. Я всей душой ненавидела Эштона Хоука, и если бы все проклятия, что я за это время сыпала на его голову, осуществились, от него не осталось бы и мокрого места.

Но, к моему сожалению, проклясть боевого мага такого уровня было не так уж просто. После ранений, не позволявших ему служить в самых горячих точках, его направили в лучшую академию империи для подготовки молодых кадров. Говорили, что его щиты держались даже против артефактных клинков, а про его чутьё ходили легенды среди тех, кто хоть раз видел его в деле.

Девчонки с целительского факультета рассказывали, как слышали разговоры наставников о том, что Эштон выжил только чудом, находясь слишком долго без помощи лекарей. За это время в его теле произошли необратимые изменения, поэтому даже самые лучшие целители так и не смогли правильно срастить израненные мышцы и многочисленные переломы. Но он хотя бы остался жив, чему, судя по всему, был не особо рад, превратившись в бесчувственного сухаря. Порой мне казалось, что он и в академию-то пришёл не учить нас, а отбывать повинность, каждый день которой напоминал ему о том, чего он лишился.

Но надо честно признаться: несмотря на нанесенные ему увечья, никто из молодых и сильных студентов не смог даже приблизиться к его уровню мастерства, а ведь Эштон был старше нас лет на восемь, не больше. Пройти комиссию для допуска к своему месту службы он все равно не мог, и вероятно это обстоятельство слишком сильно его бесило, вынуждая нас отдуваться за его скверное настроение. Он никогда не повышал на меня голос, но в его язвительности чувствовался холод человека, который был уверен в том, что рано или поздно я сломаюсь.

Говорят, сам император лично просил его оказать такую честь и принять приглашение нашего добродушного ректора Аштара Ривьера занять почетную должность декана боевого

факультета, во что я не особо верила. Впрочем, глядя на то, как уважительно ректор при встречах с Хоуком чуть склонял голову, я начинала подозревать, что тот не так уж и прост.

Огонь в массивном камине родового имения приятно потрескивал, и я бросила в него дорогую бумагу с красивыми вензелями. Она вспыхнула, осветив комнату фиолетовым пламенем. Усмехнувшись, я с ностальгией вспомнила, что фиолетовый — основной цвет академии, и как он мне не нравился поначалу. Сначала казалось, он мне не к лицу, но потом то ли я привыкла, то ли изменились вкусы, но иногда я неосознанно продолжала выбирать вещи именно этого цвета.

Я не планировала пропускать данное мероприятие. Теперь, будучи дипломированным специалистом, я никак не зависела от этого озлобленного мужлана и, более того, не успев высказать ему свое презрение на выпускном, с которого тот исчез слишком внезапно, я планировала сделать это сейчас. Не таскать же мне эту ярость с собой до конца жизни! Я уже представляла, как подхожу к нему, как вежливо, но твёрдо произношу всё, что накопилось, и как его надменное лицо наконец теряет это невыносимое каменное выражение.

— Ты уже выбрала, какое платье наденешь? — раздался сзади мягкий голос мамы, наблюдавшей за мной своим любящим взглядом, который поддерживал меня сколько я себя помнила.

— Нет еще, — отозвалась я, выдыхая напряжение. — Принято приходить на встречу выпускников в цветах академии, но я думаю, достаточно сделать небольшой акцент.

— У меня есть совершенно очаровательный сапфировый комплект, — улыбнулась мама, подходя и приобнимая меня за плечи. — В нем сочетается нежность и сила, как в тебе. Синий с фиолетовым отливом — как раз то, что нужно. Ты будешь выглядеть сногсшибательно.

— Это тот, который достался в наследство от бабушки? — догадалась я, потому как в детстве очень любила разглядывать мамины украшения.

— Да, — подтвердила она. — Именно он. Бабушка говорила, что этот сапфир приносит удачу тем, кто знает чего хочет.

Мама всегда умела отвлечь меня от невеселых мыслей. Иногда я думала, что если бы не она, я бы вовсе не закончила эту академию. Хоть я и не рассказывала подробности о своих проблемах, но ее молчаливая поддержка и спокойствие придавали сил идти на очередную пересдачу к Эштонк Хоуку, который ни одного зачёта или экзамена не принял у меня с первого раза.

После выпуска интенсивное общение с однокурсниками постепенно сошло на редкую формальность. Большая часть из них уже устроилась на работу или благополучно вышла замуж. Только моя лучшая подруга Изабелла по-прежнему оставалась таковой, и мы с ней продолжали дружить и после окончания академии. Я взяла ее к себе на работу, чему она была искренне рада, поскольку закончила наш факультет достаточно посредственно, но была исполнительной и ответственной, что меня вполне устраивало. В нашем маленьком магазинчике она вела записи так аккуратно, что любая бухгалтерская книга императорского казначейства позавидовала бы.

Она знала все мои секреты и вытирала мне слезы и от обиды на злобного боевика, и когда я расставалась с Марком Барсом, моим теперь уже бывшим парнем, с которым мы были парой целый год до того, как я увидела, что он зажимает первокурсницу с боевого факультета. Все мои беды так или иначе всегда уходили корнями именно к боевикам. Изабелла тогда долго гладила меня по спине и приговаривала, что однажды я обязательно пойму, что мне повезло: избавилась от него до того, как связала бы с ним жизнь.

Конечно, он потом извинялся и просил не горячиться, объясняя свое поведение буйством гормонов. Но я была непреклонна и верила, что могу встретить достойного мужчину, способного управлять своими гормонами, а не позволять это делать им. В конце концов, я училась у человека, который вообще, кажется, не знал, что такое эмоции, и уже от этого у меня выработался стойкий иммунитет к мужской несдержанности.

Лежа вечером в кровати, я не могла уснуть и перебирала в голове воспоминания минувших лет. Как сейчас помню, какой уверенной я переступила порог академии при поступлении, хотя внутри все сжималось от волнения. Может, от того что я не хотела показывать свои слабости, меня многие считали высокомерной всезнайкой, но я в первую очередь пришла в эти стены учиться, а не искать жениха или весело проводить время.

Я много сил и времени потратила на то, чтобы стать одной из лучших в своем потоке, и у меня все прекрасно получалось, пока на втором курсе к нам не пришел новый преподаватель по боевой магии, решивший изменить нормативы даже для тех, кто сдавал его предмет базово, не выбрав это направление основным, как я.

После первого курса, общего для всех, мы должны были выбрать специализацию, и я отдала предпочтение зельеварению. Мне нравилась точность и порой даже педантичность в подходе к изготовлению различных снадобий. Несколько лишних грамм ингредиентов, несоблюдение температурного режима на пару градусов или неправильно подобранное время изготовления могли значительно ослабить действие зелий или совсем свести их на нет. Это если не учитывать массу других важных нюансов — от качества, места и времени сбора сырья до условий его хранения. Моя наставница на кафедре зельеварения, миссис Эбигейл, быстро выделила меня из всего потока, и после первых же зачётных зелий стала поручать мне самые капризные смеси.

Уже с самого первого курса все предпочитали обращаться за составами ко мне, зная, что моя печать на запаянном флаконе гарантирует качественное и сильное средство, и готовы были переплачивать, ведь времени изготовить зелье всем желающим у меня не хватало. Бывало, в ночь перед экзаменами у моей двери выстраивалась целая очередь страждущих — кто за успокоительным, кто за восстанавливающим.

Сейчас диплом позволял мне официально продавать свои товары и авторские разработки, на которые я успела получить патент, но серебряный диплом, висевший в моем магазинчике на одной из центральных улиц города, каждый день напоминал об этом проклятом Хоуке, из-за мелочности и предвзятости которого я лишилась вполне заслуженного золота, к которому стремилась три долгих года, пропуская свидания, вечеринки и тренируясь дополнительно на грани своих сил. По утрам, отпирая дверь магазина, я бросала на него короткий взгляд и каждый раз давала себе слово, что однажды заставлю Хоука пожалеть о своём решении.

Я могла понять, если бы просила его поставить мне «отлично» вместо «неуд», но он прекрасно видел мои старания. Я не просто выкладывалась полностью, я достигла результата, которого сама не ожидала от себя. Когда мой средний балл застыл ровно между «отлично» и «хорошо», я вздохнула с облегчением, решив, что своего добилась. Но этот изверг выставил итоговую в худшую сторону — решение было полностью за ним. Даже сам ректор при всем желании не мог никак повлиять на уже выставленные результаты, магически утвержденные.

Увидев ведомости накануне самого выпускного, я пыталась найти Эштона, но встретиться и поговорить с ним у меня так и не вышло. Может, он избегал меня, или у него в самом деле появились неотложные дела, но на самом выпускном вечере я бросала в него испепеляющие взгляды исподлобья и ждала момента, когда закончится официальная часть, а я смогу наконец добраться до него самого, чтобы выплеснуть все свои эмоции. Но мне это так и не удалось сделать, потому что он исчез сразу после официальной части и больше так и не появился. Я ещё долго стояла с бокалом в руке, глядя на опустевшее место у колонны, где он только что был, и чувствовала, что моя злость в состоянии разовать меня изнутри, как лопнувший воздушный шарик.

Конечно, вопрос был чисто принципиальным, ведь и с таким дипломом на меня сразу посыпалась масса предложений, одно другого интереснее, вплоть до работы в императорском дворце. Но я ценила свою свободу, и к тому же мне хотелось немного выдохнуть и расслабиться после трех слишком напряженных лет. Свобода пахла свежими травами в моей лаборатории и

скрипом половиц в собственном магазине, и я не собиралась менять её на золочёные коридоры дворца.

Я практически успокоилась, но пришедшее приглашение разбередило старые обиды, и я ждала бала, накручивая себя и припоминая любую мелочь: каждую ночь, проведенную или без сна, или с ноющей болью во всех мышцах, каждый подъём за час до будильника ради лишней тренировки. И я хотела одного — чтобы Эштон Хоук пожалел о том, что был со мной так жесток, чтобы он оказался на моём месте, а я пренебрежительно переступила через то, что для него важнее всего. С мечтами о мести и сладкой улыбкой я погрузилась в сон, еще не зная, какой сюрприз приготовила для меня судьба.

Глава 2

Изабелла щебетала не переставая, пока мы ехали в экипаже к зданию академии, и я была рада, что она старается не замечать моего скверного настроения. Колёса мягко постукивали по мостовой, за окном проплывали дома, и я ловила себя на том, что считаю их, лишь бы не возвращаться мыслями к предстоящей встрече.

— Да брось, Ив! — воскликнула она, всё же не выдержав, пересев на мою сторону и прижавшись плечом. — Почему ты так зациклилась, будто он тебе жизнь сломал?

— Ты не понимаешь, Изи, — вздохнула я. — Он сломал мою мечту. Ту, которая теперь уже не сбудется никогда! Я вынашивала её с юных лет, готовясь к поступлению в академию. Моя бабушка в своё время закончила её с отличием, и её имя проявилось на стене почёта. Я хотела, чтобы моё было рядом. Я уже представляла, как стою перед этой стеной и провожу пальцами по магическим надписям, которые останутся там до тех пор пока будет стоять сама академия!

Моя рука сама потянулась к украшению, что висело на шее. Я чувствовала себя не вправе надевать его, будто подвела своих предков, но мама настояла. Я поддалась уговорам и теперь эта подвеска словно душила меня.

— Жизнь не заканчивается на одной несбывшейся мечте, — заупрямилась подруга. — А ты продолжаешь вспоминать прошлое. Смотри в будущее и ставь себе новые цели.

Всё-таки Изабелла была невероятной оптимисткой, и её лёгкость и жизнерадостность меня притягивали. Может, потому что мне самой именно этих качеств всегда не хватало. Она умела смеяться над тем, что меня разъедало изнутри, и от этого рядом с ней становилось легче дышать. Порой я завидовала ей тихо и беззлобно, ее способности пошутить над любой казалось бы даже тупиковой ситуацией.

И сейчас она попала в точку. Я застряла, не зная, к чему дальше стремиться, словно обломала крылья и не могла больше взлететь. Конечно, я понимала, что мои терзания для многих оказались бы немыслимой чушью, но во мне произошедшее оставило глубокий след несправедливости, руша моё восприятие мира.

— Тебе нужно поставить сегодня точку во всей этой истории! — воинственно произнесла Изи. — Раз и навсегда. Скажи ему всё, что думаешь, и выдохни наконец.

— Я и собираюсь это сделать, — ответила я. — Надеюсь, высказав Хоуку, какой он придурок, мне станет легче и я снова начну мечтать. Поэтому мы и едем немного пораньше, чтобы мне не бегать за ним между танцами.

— А может, ты просто не хочешь, чтобы эта история заканчивалась? — прищурившись, Изи наклонилась, чтобы заглянуть мне в лицо. — Может, тебе просто нравится думать об Эштоне? Он так-то ничего, почти все девчонки втайне о нём вздыхают. Да вот только у него принцип — он не связывается со студентками, даже если они сами вешаются ему на шею.

— Совсем с ума сошла? — вскрикнула я, сделав брезгливое лицо. — Да будь он хоть последним мужчиной на свете, я бы и близко к нему не подошла!

— Это хорошо, — успокоилась девушка. — Потому как я вообще сомневаюсь, что он обращает какое-то внимание на женский пол. Даже ходят слухи, будто он после ранения вовсе лишён возможности… ну ты понимаешь.

Я понимала, о чём она, но лишь презрительно фыркнула, делая вид, что мне всё равно. А ведь был один секрет, который я не смогла рассказать даже лучшей подруге. О таком как-то даже язык не поворачивался говорить, тем более я сама отчаянно хотела забыть увиденное.

Однажды, когда мы ещё не знали о замене преподавателя по боевой магии, я шла к нему в кабинет, думая, что увижу там прежнего понимающего мистера Риша, с которым хотела обсудить свои недочёты. Он относился ко мне деликатно и с пониманием, всегда стараясь подтя-

нуть и поддержать. Я помню, как в тот день ещё издалека услышала странные звуки из-за двери и, по наивности, решила, что новый преподаватель просто переставляет мебель.

Увидев, что в приёмной пусто, я постучала в кабинет, но, не дожидаясь разрешения, распахнула дверь и остолбенела, не в силах оторваться от открывшегося зрелища. Мужчина, разложив на столе какую-то голую девицу, в ней я потом признала нового секретаря, устроился между её ног и с силой врезался в неё, выколачивая томные вздохи. Его брюки были спущены, а ягодицы, слава богам, прикрыты рубашкой, но меня всё равно замутило от неожиданной сцены.

Прикрыв рот ладошкой, чтобы не вскрикнуть, я от неожиданности остолбенела и упустила возможность скрыться незамеченной. Мужчина недовольно повернулся, и от его взгляда я нервно сглотнула, словно стала свидетелем, который подлежит устранению. Наверное, он так разозлился, что я обломала ему удовольствие, но в тот момент я на мгновение поверила, что он действительно способен меня убить.

Вылетев из кабинета, я пересекла приёмную, оставив дверь открытой, и до меня долетел то ли вскрик, то ли всхлип секретарши, после которого стало тихо. Я не останавливалась, пока не оказалась на улице, тяжело дыша и борясь с тошнотой. Видимо, этот мужлан как ни в чём не бывало продолжил свои действия, не посчитав нужным прерываться на такую мелочь, как случайный свидетель.

Слишком откровенное зрелище вызвало во мне отвращение. Это совокупление выглядело так грубо, что я бы пожалела женщину, если бы она так сладострастно не стонала. Конечно, я знала, как происходит близость, но была девственницей, и для меня открылось слишком много подробностей, к которым я не была готова. Я не могла развидеть, как от мощных ударов подпрыгивала немаленькая обнажённая женская грудь, как врезались в её тело грубые руки, как катилась капелька пота по виску мужчины.

Позже, узнав, кто этот мужчина, я обречённо простонала. Ну почему мне так не повезло? Мог ли он просто мстить мне за то, что я так не вовремя оказалась в ненужном месте? Но в чём моя вина? Ему повезло, что его назначили на должность на следующий день, иначе я бы просто пошла к ректору и рассказала о неподобающем поведении нового декана факультета.

После Хоук делал вид, что ничего не произошло, и даже не пытался поговорить со мной, как-то объясниться. Да и что тут можно было объяснять, если всё очевидно и никаких других интерпретаций увиденного быть не могло. Наоборот, я удивилась его презрению и высокомерию, будто это он застал меня в пикантной ситуации и выражал своё осуждение.

Долго потом я не могла избавиться от этого воспоминания. Оно всплывало некстати, посреди лекций, за завтраком, перед сном, стоило лишь краем глаза заметить ненавистную фигуру или услышать низкий мужской голос. Меня мутило не столько от самой сцены, сколько от мысли, что этот человек, оказывается, способен на такую грубую, животную страсть и при этом умеет смотреть на студентов холодными, ничего не выражающими глазами. Эта двойственность пугала меня, заставляя думать о том сколько всего он может так запросто скрывать. Я не понимала, как в одном человеке уживаются безжалостный боевой маг, строгий декан и мужчина, способный на такое. И, возможно, именно это непонимание, так прочно держало меня в его власти.

Мне часто казалось, он задался личной целью добиться моего исключения, считая, что выпускник подобного заведения не может быть таким слабым. Но я назло ему становилась сильнее, преодолевая себя и испытывая небывалое наслаждение, когда ему приходилось, скрипя зубами, ставить мне очередной зачет.

Однажды, получив в ведомость заветную отметку, я вышла из тренировочного зала и в коридоре, у самого окна, позволила себе тихо, почти беззвучно рассмеяться от счастья, и тут же поймала на себе его взгляд из-за приоткрытой двери. Он ничего не сказал и просто закрыл дверь, но в тот момент мне вдруг показалось что в его взгляде промелькнуло нечто почти

человеческое, похожее на гордость. Это не могло быть правдой, но почему-то я вспоминала тот особенный взгляд до сих пор.

Возвращаясь мыслями к словам Изи, я поняла, что она уже рассказывает мне о новой моде, которая меня особо никогда не интересовала, о светских сплетнях, которые интересовали меня ещё меньше, чем мода. Невпопад кивая, я заволновалась, когда перед нами открылись высокие и массивные ворота академии Вудстоун.

Они были распахнуты настежь, и от них вёл широкий гравийный путь, обсаженный по обе стороны старыми липами. Их ветви сплетались над дорогой, образуя тенистый коридор, и сквозь листву пробивались косые лучи солнца, ложившиеся на гравий фиолетовыми и золотистыми пятнами. По мере приближения к главному корпусу в воздухе всё явственнее чувствовался знакомый запах — запах особой магии, веками наполняющий эти помещения и пропитавший каждую стену академии. Я с удовольствием вдохнула глубже, понимая, что соскучилась по тому ощущения новых знаний, что я как губка впитывала здесь. Над входом развевались знамёна с гербом Вудстоун, и ветер лениво шевелил их тяжёлую ткань.

Войдя в главный корпус, мы поняли, что приехали одними из первых. Вокруг было ещё слишком пусто — настолько, что мы какое-то время поражённо осматривали пространство, которое никогда не видели настолько безлюдным. Эхо шагов раздавалось слишком отчётливо и громко, теряясь в высоких сводах. Мраморный пол отражал нас, как в тёмном зеркале, и от этого собственные шаги казались чужими.

Изи выжидательно посмотрела на меня, словно спрашивая, не передумала ли я, а у меня появилась противная слабость в ногах, вызывая злость на саму себя. Я до сих пор терялась перед встречей с этим мужчиной, даже уже не будучи его студенткой. Что у него за влияние на меня? Никто не вводил меня в такой ступор, как Хоук.

Главное — не струсить! Не отступить, иначе я буду жалеть об этом до конца своих дней.

Одёрнув себя, я выпрямила спину. Хватит, я больше не его студентка, не завишу от его оценок и его настроения. Он ничем уже не сможет мне навредить ни зачёткой, ни придирками, ни этим своим ледяным взглядом, от которого у меня всегда подкашивались ноги. Всё, что он мог отнять, он уже отнял. А значит, бояться больше нечего. Пусть смотрит, пусть хмурится, мне уже нечего терять в этих стенах, и от этой мысли, неожиданно для самой себя, я почувствовала странную лёгкость с которой поспешила к его кабинету.

Около его приёмной я остановилась, стараясь выровнять дыхание. Я не была тут с того самого дня, как застала его без штанов, усердно удовлетворяющим своё мужское естество. Поняв, что сердце вряд ли войдёт в привычный ритм, я открыла дверь и увидела пустое место секретаря. Она вообще когда-нибудь занимается своими прямыми обязанностями?

Приёмная встретила меня тишиной и каким-то нежилым холодом. Стол был пуст, не считая одинокого листа, лежащего небрежно будто его просто швырнули, а не положили. Ни чернильницы, ни привычной мелочи, которой обычно обрастает рабочее место не было, только тонкий слой пыли на полированной столешнице. Я невольно поёжилась: казалось, здесь давно никого не было, и в то же время воздух был словно пронизан присутствием Хоука.

Здесь повсюду витал запах, тот самый, который за два года я выучила до мельчайших оттенков. Его запах! Он въелся в стены, в шторы, в самую древесину мебели, и от этого пустая приёмная казалась не пустой вовсе. Я невольно задержала дыхание, словно боялась, что этот запах снова, как прежде, лишит меня воли и уверенности.

Прежде чем подойти к двери кабинета, я не смогла удержаться, чтобы не пройти мимо одинокого листа бумаги, лежащего по центру большого стола. Не беря его в руки, я быстро пробежалась взглядом по тексту, и мои глаза удивлённо распахнулись.

Глава 3

На столе лежал Приказ об увольнении Эштона Хоука с должности!

Я такого не ожидала! Наверняка поэтому тут так пусто — перед началом учебного года новый преподаватель ещё не успел занять положенный ему кабинет. В груди родилось ликование, словно его неприятности могли облегчить мою обиду, но, видимо, так оно и было. Я даже поймала себя на мысли, что готова простить ему часть прошлых обид хотя бы за это.

— Рада? — послышался сзади хриплый низкий голос, заставивший вздрогнуть от неожиданности.

Не поворачиваясь, я удивлялась, как он смог узнать меня со спины. Хотя, наверное, его я бы узнала в любой толпе — настолько успела изучить за эти годы его фигуру, движения, повадки своим взглядом, полным ненависти. Мне казалось, я чувствовала его появление в комнате даже до того, как успевала увидеть, — по толпе каких-то болезненных мурашек, что пробегали от самой макушки, спускаясь к ногам. Отвратительное чувство, которое посетило меня и в этот раз.

Не спеша оборачиваться, я своей обнажённой спиной чувствовала его взгляд. Ну и пусть смотрит! Я специально выбрала самое откровенное платье, в котором вырез спускался глубоко вниз, гораздо ниже спины, находясь на грани приличий. Этот похотливый мужлан хоть и не поднимал глаз на студенток, но был далеко не так целомудрен, как о нём ходили слухи, уж мне-то не знать. Удобно устроился, ему и ходить никуда не надо было, лишь научиться запирать дверь изнутри.

Так пусть смотрит на то, к чему он никогда не прикоснётся, но что создал своими руками. Я была ему благодарна только в том, что он сделал меня сильнее, и физически в том числе. Я знала, что выгляжу шикарно в этом платье, подчёркивающем все женские прелести, которые стали более подтянутыми и рельефными во многом благодаря и Хоуку. Но я пришла не благодарить его.

— Да, — ответила я, не видя смысла скрывать очевидное. — Жаль только, этого не случилось чуть раньше, когда я еще училась.

— Зачем пришла? — негостеприимно спросил он, словно я по-прежнему его робкая студентка.

— Не успела как следует попрощаться, — повернувшись, я постаралась скрыть своё изумление от того, как шикарно он выглядел в строгом костюме, которого я на нём никогда не видела раньше. — И выразить вам своё презрение.

— Выражай, — ухмыльнувшись, разрешил он, поднимая во мне волну ярости, которую уже ничто не сдерживало.

— Ты самый отвратительный мужчина из всех, которых я знаю, — начала я с негодованием, переходя на «ты». — Злой, озабоченный самец без чувства жалости и сострадания. Ты и был-то тут по ошибке, таких нельзя подпускать к студентам вообще.

— Пока что со всем согласен, — скрестив руки на груди, словно издевался, он.

— Из-за твоей низости я лишилась своей мечты, к которой вели годы усердного труда! — я с трудом сдерживала слёзы, не желая, чтобы он их видел. — Для меня это было важно, подлый ты ублюдок.

Я не заметила, как он оказался слишком близко, а в его глазах заискрилась опасность, но я не собиралась останавливаться. Не теперь.

— Я не боюсь тебя! — выкрикнула ему в лицо, уперев свой указательный палец в его грудь, останавливая приближение. — Я презираю тебя всеми силами своей души и проклинала с самого первого дня нашей встречи.

Тут я ненароком осеклась, вспоминая, каким оказался этот первый день, и меня снова замутило от отвращения, что он, видимо, и прочитал на моём лице. Его странное молчание удивляло. А где же ирония? Где привычное ехидство? На его лице мне показалась промелькнувшая растерянность, но я не давала сбить себя с толку.

— Я заслужила свой высший бал! — тыкала я своим пальцем в его железные мускулы, врезаясь острым ноготком. — Я заслужила золотой диплом, который мне не выдали по твоей вине. Из-за твоей желчи и непонятного презрения. Ты хоть знаешь, чего мне стоили эти три года? За что ты мне мстил?

Его грудь вздымалась слишком часто, как и моя, но он не спешил оправдываться, впрочем, как и издеваться.

— Знаешь, я-то переживу своё разочарование, — с горечью выплюнула я, понимая, что больше не хочу ничего говорить. — У меня появятся новые цели и планы, и я надеюсь больше не встретить на своём пути таких подонков, получающих удовольствие от того, что вставляют палки в колёса другим. Может, потому что ты сам ни к чему не стремишься? У тебя есть вообще мечты, Хоук?

— Нет, — хрипло отозвался он.

— Я так и думала, — не удивилась я. — Но мне даже не жалко тебя. Ты так и будешь носить в себе свою никчёмность, и никуда тебе не сбежать от самого себя.

Обойдя его, чуть толкая плечом, я не ожидала, что он пошатнётся, но гордо продолжила путь, так и не оборачиваясь, оставив дверь открытой, как и в прошлый раз. Лишь когда сзади послышался страшный грохот, я вздрогнула, но запретила себе думать, что именно там рушит этот изверг.

К своему разочарованию, я поняла, что легче мне не стало. Я словно опустилась до его же уровня, но дело сделано, и теперь оставалось только идти дальше, в свою новую жизнь. Но что-то мне говорило, что Хоук не перестанет являться мне в кошмарах: как бы мне ни хотелось выкинуть его из головы, он останется там до конца моих дней как человек, вызвавший мои самые сильные эмоции, пусть и отрицательные.

Я бы предпочла взять и уехать отсюда прямо сейчас, но не могла бросить Изи, которой обещала повеселиться. Идя по пустым коридорам, я увидела вдалеке ректора. С грустью отметив, что он словно ещё постарел за этот год, я испытала нежность к этому уже пожилому мужчине на плечах которого держалось так много. Аштар Ривьер направился мне навстречу, неся в руках лист с гербом академии. Да уж, у ректора и на каникулах хватает своих забот.

— Ивен! — воскликнул он, открывая свои объятия, в которые я с удовольствием нырнула, стараясь заменить его теплом тот холод, что поселился внутри после разговора с Эштоном. — Я как раз тебя искал.

— Я рада вас видеть, мистер Ривьер, — искренне призналась я, отстраняясь от него. — Вы всё в заботах, — указывая на бумагу, посочувствовала я.

— Это не заботы, деточка, — улыбнулся он. — Это приятные хлопоты, о которых я и хотел с тобой поговорить.

— Что-то случилось? — забеспокоилась я.

— Нет, милая, — подставляя мне свой локоть, он повёл меня в направлении общего зала, где будет происходить торжество. — Всё идёт своим чередом.

— Так о чём вы хотели поговорить? — уточнила я, когда его молчание затянулось.

— Я знаю, что ты отвергла все предложения о работе, что к тебе поступили, — усмехнулся он в свою бороду.

— Откуда? — почему-то смутилась я.

— Так все они после приходили ко мне, будто я в силах повлиять на тебя, — пожал он плечами. — Но вот теперь и я пополнил их ряды.

— Чьи? — не поняла я.

— Ряды тех, кто хочет предложить тебе работу, милая, — остановившись, посмотрел он на меня. — Даже не так. Я прошу об одолжении стать преподавателем зельеварения в нашей академии.

Увидев мою растерянность, он добавил:

— Хотя бы на год.

— Это очень неожиданное предложение, — ответила я, зная, как сложно добиться места в этом заведении. — А миссис Эбигейл готова меня взять?

— Несомненно, — поспешил меня успокоить ректор. — Она сама и умоляла меня поговорить с тобой. Если честно, она давно хочет уступить место достойной кандидатуре и, кроме тебя, в своём кресле не готова видеть никого.

— Но я не имею нужного опыта, — не нашлась я что ответить, ошарашенная новостями, следующими одна за другой.

— Так и она не уйдёт сразу, а пока будет вводить тебя в курс дел, — глаза мистера Ривьера светились такой заботой, что я засомневалась.

Может, это и есть тот новый жизненный пинок, что мне сейчас был так нужен? Я окунусь в свой любимый мир зелий, ведь в академии не только преподают, но и ведут научно-исследовательскую работу.

— У нас есть самые редкие и ценные реагенты и лучшие лаборатории во всей империи, — словно прочитав мои мысли, улыбнулся мне ректор, но я видела озорной блеск, что плясал в его глазах. — Ты можешь хотя бы попробовать, и если не понравится, то никто не будет держать тебя силой. Я готов подписать с тобой контракт только на один учебный год, а потом ты примешь решение.

Он не зря занимал место ректора, потому как умел взаимодействовать с людьми и нажимать на нужные точки, убеждая. Вспомнив, что Эштон Хоук покидает эти стены, я решилась.

— Где подписывать? — боясь, что передумаю, спросила я, и в моей руке в тот же момент появилась ручка.

Прочтя документ, я удивилась прозорливости ректора, составившего контракт так, что мне и придраться было не к чему. Подтвердив свою подпись магически, я заметила знакомый магический свет, что окутал бумагу, подтверждая вступление его в силу всех условий.

В предвкушении чего-то нового я вошла в зал, наполняющийся бывшими студентами, и, найдя Изабеллу, отвела её в сторонку, рассказывая новости, от которых она то хмурилась, то улыбалась, то чуть ли не пищала от восторга. Тяжесть постепенно уходила из сердца, и я позволила себе бокал шампанского, пузырьки которого приятно щекотали нёбо и расслабляли тело.

Я открывала новую главу своей жизни и надеялась, что она будет успешной и принесёт мне то удовлетворение, о котором я мечтала. Может, моё имя ещё войдёт в историю академии, не как студентки, а как преподавателя.

Когда началась официальная часть, я слушала краем уха, хихикая с Изи и поглядывая на сцену с преподавательским составом, с несвойственным мне злорадством отмечая, что Хоука среди них уже нет.

— Ещё я хочу поделиться новостями, о которых студенты узнают через несколько дней, с наступлением учебного года! — торжественно произнёс ректор, и все настороженно притихли. — Всему своё время, дорогие мои, и вот настал час, когда я с удовольствием уступаю своё место новому поколению. Более энергичному, но не менее талантливому.

Я замерла с нехорошим предчувствием, будто меня обвели сейчас вокруг пальца, да и во всем зале воцарилась настороженная тишина. Мистер Ришар оставался несменным ректором на протяжении долгих десятилетий и прочно ассоциировался с академией. Я не представляла Вудстоун без него.

— Прошу вас, встречайте нового ректора, — мистер Ривьер повернулся в сторону и протянул руку шагавшему ему навстречу мужчине, — Эштона Хоука!

Если бы не Изи, я бы, наверное, не удержалась на ногах, ставших ватными. На сцену уверенно поднимался бывший декан боевого факультета собственной персоной. С тем же невозмутимым лицом, с которым он чуть ранее выслушивал мои душеизлияния он поприветствовал коллег.

В затянувшейся тишине наконец раздались робкие аплодисменты, быстро переросшие в бурные овации. Особенно ликовали выпускники боевого факультета, правда, почему — я понять не могла. Холодный взгляд голубых глаз нового ректора впился в меня, сразу выделив из толпы. Знал ли он, что я приняла предложение мистера Ривьера и теперь буду работать под его началом?

Внутри у меня всё оборвалось. Я стояла, вцепившись в локоть Изи, и не чувствовала под собой пола, только гул крови в ушах и странную, тошнотворную пустоту где-то под рёбрами. Овации вокруг звучали будто сквозь толщу воды, лица плыли, а я всё никак не могла заставить себя поверить в то, что произошло.

Мысли вихрем проносились в голове. Значит, вот что значил его уход, вот почему кабинет был пуст, а бумага об увольнении лежала на столе. Он не покидал академию. Он поднимался выше. И я, высказав ему всё прямо в лицо, сегодня же приняла предложение работать под его началом. Целый год, каждый день, в одних коридорах, под одной крышей с человеком, которому я только что, дрожа от ярости, тыкала пальцем в грудь и называла подонком.

Мне стало дурно по-настоящему, и лишь усилием воли я заставила себя остаться на месте. По этому взгляду, которым он меня нашёл в толпе, я вдруг отчётливо поняла, что он знал.

Я поспешила к выходу, лавируя между гостями, и не помнила, как оказалась на улице. Вечерний воздух ударил в лицо, и я, прислонившись к холодной стене, попыталась унять дрожь. Вот это я влипла! Я знала как он умел издеваться и вряд ли мне простят мою искренность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.